

На прошлой неделе в адрес редакции газеты «Вести» пришла информация от известного на Камчатке фотографа, художника, графика, путешественника, охотника-промысловика, человека, влюбленного в Командорские острова, Сергея Пасенюка.

Сергей Леонидович сообщил: «В этом году (2023. – **Прим. авт.**) на острове Беринга установлен памятник русскому Робинзону Якову Мынькову.

В 1809 году бригада промышленников Русско-Американской компании оставила его на этом острове стеречь семьсот шкурок добытых ими песцов и, пообещав за ним вернуться, ушла на самодельной байдаре на соседний остров Медный. Долгих четыре года Мыньков прожил на холодном необитаемом острове в суровейших условиях, намного более тяжелых, чем потерпевшая там ранее крушение команда командора Витуса Беринга».

Памятник представляет собой чугунную плиту с надписью: «Русскому робинзону Якову Мынькову прожившему на необитаемом острове Беринга с 1809 по 1813 гг».

(Грамматика сохранена. Фотография плиты, отлитой в Магниторске, прилагалась. – **Прим. авт.**

) была установлена на юге острова Беринга, в районе мыса Толстого, если верить Сергею Пасенюку.

Получив такое послание, я обратился к Сергею Леонидовичу с одним вопросом: откуда он почерпнул информацию о русском Робинзоне? Сергей Пасенюк назвал в качестве первоисточника книгу под названием «Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова».

Разумеется, меня заинтересовала история о русском Робинзоне. В вышеуказанной книге, увидевшей свет в издательстве «Наука» в 1979 году, составленной авторами Р. Г. Ляпуновой и С. Г. Федоровой на странице 156-й нашлось подтверждение информации, полученной от Сергея Пасенюка. События, о которых идет речь, изложены в записках штурмана И. Ф. Васильева, командира брига «Финляндия»:

«Описание бедственного положения русских на Медном острове

«10 мая (1812 г.) вышел я в море и подошел к ЗО оконечности острова Медного, чтоб сыскать высаженных в 1805 году штурманом Потаповым русских; идучи в параллель берега и прошедши более половины острова, уже под вечер к величайшей радости увидели в заливе строение и потом идущую к судну байдару. На одной находились промышленный Шипицын и шестеро русских. Невозможно описать их восторга, когда они увидели своих знакомых: обнимались, целовались, плакали, крестились. Потом стали упрекать, что их бросили на острове и целые 7 лет про них забыли.

Промышленный Шипицын говорил мне: «Много вытерпел я на сем острове от непослушания, буйства и несогласия моих подчиненных, а особенно в последние годы, когда бывало посылал кого на промысел, то никто идти не хотел, а требовал от меня платья и пищи. Когда ж последний наш провиант вышел и другие нужные вещи все издержались, то ропот умножился.

Платье и обувь наша все изнашивались, и мы ходили оборваны и босы. Суровость климата и глубокие снега принудили нас помышлять об одежде. Все приступили ко мне, и я принужден был дозволить им употребить из промыслов, сколько нужно на платье и обувь, и скоро увидел их одетыми с ног до головы в меха морских котов и песцов. Не проходило дня, в который бы, собравшись за стол, не говорили о присылке к нам судна и о нашей участи. Иногда приходило нам на мысль пуститься на волю божию в Камчатку, но, не имея карты, не отважились.

Каждое воскресенье и каждый праздник собирались мы на молитву; двое из нас, знающие грамоту, читали «часы» и другие молитвы».

У них были скрипки, и я слышал музыку их, песни и пляски. Если когда-либо музыка прогоняла грусть и скуку и вселяла бодрость в унылые сердца, то, верно, у сих бедных людей. Впрочем, я нашел всех сих людей здоровыми и веселыми, кроме одного больного.

Они сказывали мне, что на здешнем острове зверя стало очень мало. В 7 лет промыслили только 18 000 морских котов, до 2 500 песцов голубых и 15 бобров. Три года тому назад они были на острове Беринговом и там добыли 600 песцов, коих там и

оставили, а при оных для караула одного из своих товарищей, обещая на другой год за ним приехать, но не бывали.

Я простился с сими добрыми людьми, оставил им 5 сум муки и уговаривал, чтоб они жили согласно и не унывали бы. 2 июня вышел в море, чтобы обойти около N оконечности Берингова острова с востока».

Описание Медного острова

«Остров Медный есть не что иное, как хребет высоких гор, а особливо в NW его части берега утесисты. Гавань находится, по наблюдению моему, 54°46'56" N широты; о долготе наблюдения не было. Положение острова NWtW и ZOtO, NW и ZW. Склонение компаса 10,50 O; возвышение воды около 5 футов.

Лесу на острове, кроме наносного, никакого не растет, травы много. Здесь промышляют морских котов и голубых песцов; последних гораздо меньше, чем на Беринговом острове; бобров также мало. В северо-западной оконечности острова, верстах в 10 от гавани, находится медная руда. На высоте утесов множество птиц и птичьих яиц, а особливо ар, уток, чаек, куликов, топорков, а местами и куропаток. В море подле берегов ловят палтусов, треску и много другой рыбы».

Описание бедствий одного русского, жившего на Беринговом острове

«Я должен был сыскать здесь оставленного с промыслом Якова Манькова. 5-го числа посылал байдарку на берег, но там нашли одну пустую юрту. 6-го числа ввечеру увидели человека на NO берегу острова Берингова, и [я] послал за ним байдарку. Через час посланные привезли его на судно.

Надобно быть свидетелем сего удивления, восторга и благодарности, чтоб описать это. Долго не мог он промолвить ни слова и только проливал слезы, стоя на коленях и подняв руки к небу.

Первые слова его были: «Слава богу, что ты до меня милостив!». Он горько жаловался на свою судьбу. «Надобно было, – говорит он, – доставить себе пищу и одежду. Несколько дней я совсем ничего не ел. В реке рыбы много, но чем ее ловить? Нужда научила меня сделать из гвоздя уду, и наловил себе рыбы. На том месте, где меня высадили, мало было способов для пропитания, и для того я перешел на другую сторону острова и расположился жить при реке, в которой было много рыбы. На зиму опять возвратился на прежнее место, где нашел весь промысел песцов, оставленный мною в юрте, испортившимся. Я уже об этом не жалел, а думал о своем спасении. Настала зима, юрту занесло снегом, платье и обувь все износились. Всего нужнее был для меня огонь, и я с трудом мог добыть его. Тут-то я горько плакался о своей участи, оставлен всем светом на пустом острове без всякой помощи! Что было бы со мною, если бы я заболел? Пришлось бы умереть бедственной смертью. Тщетно я ждал своих товарищей, которые обещали за мной приехать. Я боялся, не потонули ли они, переезжая через пролив. Одно мое утешение было – молитва к господу Богу и к милосердной матери пресвятой богородице. Это меня успокаивало и ободряло в моем беспомощном положении.

На нем было платье и обувь из звериных шкур, так же как на товарищах его на Медном острове. Промысел его состоял из 180 песцов, которых он добыл на здешнем острове.

Я оставил его здесь, на острове, и к нему дал одного человека, велел заниматься промыслом и ожидать своих товарищей с Медного острова. Я оставил им одну байдарку, провианту и другие нужные вещи и простился с ними».

Описание Берингова острова

«По наблюдению моему, Васильева, широта того места, где судно стояло на якоре, 55012/17//, долгота от Гринвича 16609/ О. Склонение компаса 9040/ О. По Реомюрову термометру теплота была 100.

Остров Берингов положение имеет от NW к ZO. В юго-восточной его части находится много гор, коих вершины покрыты были снегом. Северо-западная часть острова низменна. Северная его оконечность на карте г. Сарычева по широте и долготе определена весьма верно.

Леса нет никакого, кроме тальника, и весьма мало рябины, зато выкидного по берегам леса весьма довольно.

Главный промысел на острове Беринговом суть песцы, которых везде на острове видно великое множество. Они смешались между собою так, что многие из них ни белые, ни голубые. Они лают, как собаки, и столько прожорливы, что часто проникают в юрту и все пожирают, что найдут. Они отогнали водяных птиц с острова, и сии боятся выходить из воды на берег. Их промышляют осенью, и в это время шерсть на них бывает самая лучшая. Кроме песцов, нет на острове никаких других четвероногих животных.

Море выкидывает иногда на берег китов. Из морских животных водятся бобры, нерпы, морские коты, сивучи и морские коровы.

На соседственных малых островах, Топорковом и Яичном, песцов почти вовсе нет. Зато есть много птиц: куропаток, чаек, уток, топорков; из коих последние отличны от прочих сего рода – с двумя длинными хохолками. Яйца их белые, величиною с гусиные, только с красным желтком.

Июня 16 прошли мы мимо 4-го Курильского острова, а 23 прибыли в Охотск».

К сожалению, сообщение, полученное от Сергея Пасенюка, оказалось неточным. Время, проведенное в одиночестве Яковым Мыньковым на острове Беринга, было указано с досадной ошибкой. Русский промысловик робинзонствовал с 1809 по 1812 год (на плите указан 1809–1813 гг.). Разумеется, это не умоляет заслуг Мынькова, но противоречит запискам штурмана Васильева, напечатанным в упомянутой книге Константина Хлебникова. Количество песцовых шкурок, которые оставался стеречь русский Робинзон, было не семьсот, а шестьсот (но эту неточность можно легко простить).

И потом, следуя букве закона, памятную плиту (памятник) можно устанавливать лишь после процедуры согласования со специальной комиссией, существующей при администрации Алеутского муниципального округа Камчатского края, затем решение комиссии выносится для обсуждения и утверждения районной думой. Перед тем в

комиссию на согласование должен быть представлен эскиз будущего памятника, включая текст, заявление, историческую справку, согласие собственника земельного участка на установку чугунной плиты, а также источник финансирования для изготовления памятника.

Отдадим должное творческому порыву и усилиям Сергея Пасенюка, его краеведческому горению в отношении Командорских островов. Но, как говорится, факты – упрямая вещь, а в случае с историческими событиями они становятся еще упрямее, и с этим обстоятельством нужно считаться.

Еще одно оценочное суждение Сергея Леонидовича вызывает у меня сомнение. Он считает, что русский Робинзон жил в: «...условиях, намного более тяжелых, чем потерпевшая там ранее крушение команда командора Витуса Беринга».

Напомню, что из 77-ми членов экипажа пакетбота «Святой Апостол Петр» под командованием Витуса Беринга в живых осталось всего 46 человек, из которых 32 страдали цингой и другими тяжелыми недугами. За время зимовки на острове, позже получившем название Беринга, умерло 14 человек вместе с капитаном-командором.

Чем, спрашивается, суровая жизнь, доставшаяся русскому Робинзону Якову Мынькову, была тяжелее доли, выпавшей экипажу капитана-командора Витуса Беринга?

Взвесив все за и против можно прийти к выводу, что лишений, выпавших на долю экипажа пакетбота «Святой Апостол Петр» было не меньше, чем у русского Робинзона.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ